

ISSN 0130-2698

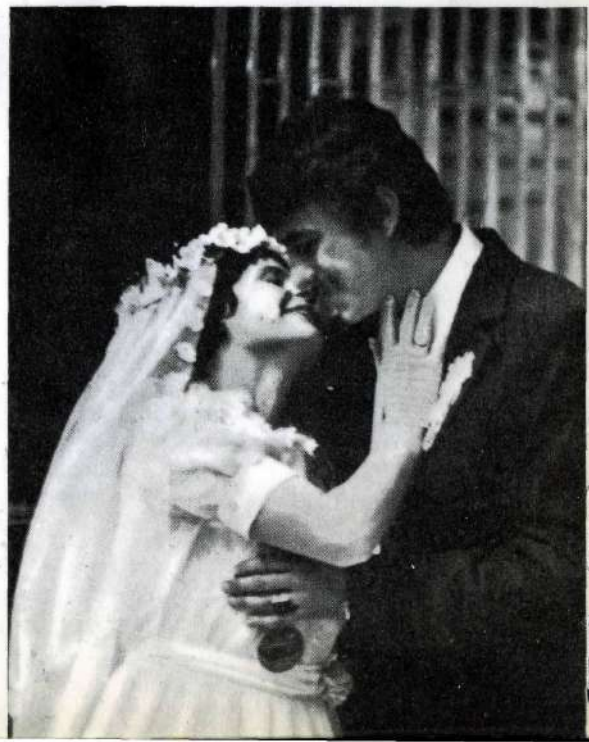
10 КРУГОЗОР 79

2

Как живут
молодожены БАМа?
Чем привлекла их эта
таежная стройка
и маленький поселок
Новый Уоян,
ставший для них особенно
родным и близким?
Об этом рассказывает
вторая звуковая страница.

НА БАМЕ СВАДЬБЫ ПРАВЯТСЯ...

Он считается даже по бамовским меркам отдаленным, этот таежный поселок, подрастающий на берегах капризной и шумливой Верхней Ангары. Бамовская колея ляжет здесь еще не скоро, и пока, чтобы добраться сюда из Северобайкальска — центрального поселка бурятского участка Байкало-Амурской магистрали, надо проделать нелегкий 200-километровый путь по пробитому в таежных дебрях зимнику. И вдруг у въезда в Новый Уоян видишь табличку с надписью: «Осторожно — поезд!» Вновь приезжающий удивленно вскидывает брови, а старожилы улыбаются. «Просто мы немного забежали вперед, — объясняет главный инженер мехколонны Анатолий Калишук. — Пусть водители уже сейчас привыкают, ведь поезд непременно придет в Новый Уоян!» Новым назвали поселок потому,

что километрах в десяти от него есть Старый Уоян, где живут эвенки-охотники. Весной 1975 года высадил здесь вертолет первый таежный десант строителей из Ленинграда и Прибалтики. «Мы с вами соседями были на Большой земле, соседями стали и на БАМе», — пошутил командир отряда «Комсомолец Эстонии» Энн Лейссон при встрече с ленинградцами. Они стали не только соседями, но и друзьями. И первые улицы в новом поселке назвали Ленинградской, Таллинской и Вильнюсской. И на первых свадьбах гуляли парни и девушки из Тарту и Сестрорецка, Каунаса и Нарвы. И неудивительно, что литовка Алдона носит теперь русскую фамилию Григорьева: «На БАМе свадьбы прavaтся, на БАМе счастье светится!» А вот Валентина и Виктор Соосар приехали в Новый Уоян уже семьей. «Это было наше свадебное путешествие, — говорит Виктор. — И вот мы здесь уже четыре года!»

Максим КУСУРГАШЕВ

Фото А. Лехмуса
и А. Лидова

Указом
Президиума
Верховного
Совета СССР
от 31 декабря
1977 года
установлено
почетное звание
«Народный
учитель СССР».
За особые заслуги
в обучении
и воспитании
учащихся первыми
его удостоены
Авраменко О. С.
(Гомельская обл.),
Алешин В. Ф.
(Смоленская обл.),
Журавлева З. С.
(Донецкая обл.),
Кашкин Ю. С.
(Ярославская обл.),
Лозина П. Г.
(Псковская обл.),
Филиппова Л. С.
(Москва),
Черненко Ю. Н.
(Херсон).

**ВЫСОКОЕ ИМЯ—
ВЫСОКАЯ ЧЕСТЬ**

**Полина
Георгиевна
Лозина со своими
учениками в школе
села Любятово
(фото Л. Лазарева).
На третьей
звуковой странице
вы можете
услышать
ее размышления
о профессии
учителя.**

Живет она и учителем в селе под Псковом. И родом она и характером псковитянка.

Земля псковская чем-то отлична от всякой иной. И жители ее вызывают в каждом чувство уважения и даже благоговения. Скромны, не шумны, учтивы. И взгляд у них какой-то особенный, обрадованный миром-светом взгляд. Даже маленькие ребяташки, ученики Полины Георгиевны Лозиной, меж собой удивительно вежливы. Но тут скорее влияние учительницы сказывается, ее пример. Полина Георгиевна считает, что, конечно, очень важно научить детей правилам арифметики, научить их писать, но первейшее знание — это уважение к человеку, к достоинству, к его единственности.

— Все остальное приложится, — говорит она. — Тогда научатся и писать грамотно. Пусть не сразу, пусть чуть погодя. Нет, я, конечно, за хорошую успеваемость, но не по мне погоня за голыми пятерками. Все-таки главное — заронить в их душу семена добра и умение жить по совести. Меня когда-то так учили. И я по сей день благодарна моим учителям и родителям за это. Родилась я в крестьянской семье, в большой, нас девять человек было братьев и сестер, я самая младшая. И мы все трудились. И жать, и косить, и пахать знаю. Хотя детство и не из блестящих было, зато мы все приучены к труду, любили и любим его. А за жизнь мою всякое было...

Война тяжкая... В партизанском отряде связной, разведчицей была. Видимо, меня небольшой рост выручал. Косички заплету

СЕМЕНА ДОБРА

покрепче и иду. И не очень-то обращали на меня внимание. С ребятами, с молодежью комсомольскую работу вела. После освобождения секретарем райкома комсомола меня избрали, и шесть лет так и работала. А учительницей с 1950 года стала. И учила и сама училась. Все заочно оканчивала: и педучилище и институт педагогический.

В этой нашей маленькой школе уже 23 года как преподаю. И, знаете, ученики мои бывшие пишут мне и прибавляют иногда, что, может быть, я их забыла. Нет, нет. Я их всех, всех помню, отчетливо помню каждого. Сколько их у меня было — всех.

И мои дети, два сына, тоже у меня начинали. У меня-то ведь начальные классы только. И что интересно, когда по домам расходились, они мне, как и все ребята, говорили: «До свидания, Полина Георгиевна». Ничем от других не отличались, и им никаких привилегий не было, ну ни в чем.

Полина Георгиевна рассказывает о жизни как-то так, будто и я, случайный собеседник, причислен к ее ученикам. Потому что и в самом деле ощущаешь в себе понятное желание научиться у нее уму-разуму, стойкости и счастливому умению радоваться бытию и всему тебя окружающему. Мне к тому же приятно мое необманутое ожидание встречи с ней — народной учительницей СССР. В воображении своем я и рисовал ее именно такой. И даже голос тот самый, убеждающий своей правотой, проникновенный. Голос мудрого учителя жизни. Прислушайтесь к нему...

Константин РЕВЕНКО

Ранним утром 19 ноября 1915 года во дворе каторжной тюрьмы штата Юта, в США, был расстрелян рабочий человек Джозеф Хиллстром — боевой профсоюзный организатор и автор революционных песен, широко известный среди трудящихся Америки под именем Джо Хилла.

Его арестовали и бросили в тюрьму по инсценированному делу об убийстве лавочника Моррисона и его сы-

на, по делу, к которому он не был причастен. Но у суда даже не возникло вопроса, по каким мотивам Джо Хилл мог убить человека, с которым никогда не встречался.

Отсутствие доказательств не смутило американское правосудие. Через двенадцать лет после казни Хилла по произволу суда были убиты на электрическом стуле два беззаветных борца за дело трудящихся — Сакко и Ванцетти, им так же, как Хиллу, лож-

но приписали уголовное преступление.

Джо Хиллу вынесли смертный приговор и после этого еще двадцать два месяца держали в тюрьме. И все эти месяцы пролетарская общественность Соединенных Штатов, поддержанная рабочими многих стран мира, вела борьбу за жизнь своего поэта. В движение за пересмотр приговора включилось и правительство Швеции, подданным которой был Хилл, и даже президент Вильсон. Но ничто не могло остановить убийц, поставивших себе целью устранить этого опасного вожака рабочего движения.

Революционный поэт-песенник Джо Хилл был убит за то, что его боевые песни распевали бастующие и безработные, за то, что он был ненавистным для хозяев «уббли», активистом самого революционного в те годы американского профсоюзного объединения «Индустриальные рабочие мира», за то, что, работая среди шахтеров в районе Соленых озер, осмелился вступить в борьбу с могущественными капиталистическими корпорациями, владевшими рудниками в этом районе.

В 1901 году двадцатитрехлетним парнем он приехал в Америку из Швеции в поисках работы. «...Он жил в лесных и строительных лагерях, путешествовал в товарных вагонах и знал страдания рабочих. Он писал с чувством, потому что знал обстоятельства...» — так говорили о Джо Хилле на похоронах его братья по классу, так сказал о нем Джордж Чайлд, казначей фонда защиты Джо Хилла, обойщик по профессии.

Песни, написанные Хиллом, рождали в сердцах рабочих презрение к штрейкбрехерам, ненависть к их хозяевам, они воспитывали чувство рабочей солидарности как единственно верное средство борьбы.

Его «Кэйси Джонс-скэб», «Мятежницу-девушку», «Долог путь за супом» распевали при его жизни рабочие и в Канаде, и в Австралии, и в Англии. Говорят, что некоторые песни Хилла, потеряв имя их автора, до сих пор

еще бытуют в среде американских рабочих.

Когда Джо Хилл писал:
*Встань, рабочий, для защиты
прав своих, оковы сбей!
Отнимают паразиты плод
твоей работы всей.
Иль терпеть вам, чтоб над вами
измывались господа?
Иль послушными рабами быть
хотите вы всегда?
Восстаньте, пленники мученья!*—

хочу поблагодарить Вас за то, что Вы для меня сделали. И Вы смело можете поспорить на Ваш последний доллар, что я покажу этой банде политических интриганов, которые действуют здесь именем правосудия, как должно умирать ЧЕЛОВЕКУ».

Сидя в тюрьме в ожидании расстрела, Джо Хилл продолжал сочинять и отправлять на волю свои песни, которые становились тем, о чем мечтал Маяковский.—бомбой и знаменем в

мужество, с каким он встретил свой смертный час в то хмурое ноябрьское утро, его последние слова: «Не оплакивайте меня, организуйтесь!»—сказанные друзьям, роднят Джо Хилла и с Юлиусом Фучиком и с нашим татарским поэтом Мусой Джалилем. С ним роднит его и бесстрашие революционера перед лицом смерти, и неиссякаемая вера в правоту революционного дела рабочего класса.

Алексей СУРКОВ

ПЕСНЮ НЕЛЬЗЯ РАССТРЕЛЯТЬ

то эта песня подхватывалась тысячами и тысячами как призыв к объединению для борьбы и победы.

...Посмотрите на его портрет работы художника А. Калашникова. Какое хорошее лицо! Это молодой Хилл. Но мы знаем, как он выглядел и в канун казни. К вечеру 18 ноября в тюрьму был пропущен репортер «Хералд-Рипаблик», газеты, которая относилась крайне враждебно к рабочему поэту. Тем не менее репортер писал: «За исключением вполне естественной печати тюремного заключения на его внешности, Хиллстром не проявлял никаких физических признаков надломленности. Не чувствовалось никакой нервозности. Его руки, просовывавшиеся сквозь решетку, были спокойны и не показывали недостатка самообладания. Во время интервью его глаза были ясны, светились умом, и он ни разу не отвел их при самых прямолинейных вопросах... Чувство юмора не покинуло его, о чем свидетельствовала широкая улыбка в ответ на какой-нибудь особенно вызывающий вопрос...»

Джо Хилл оставался предан делу рабочего класса и своему призванию поэта-революционера до последней минуты. Он категорически отказывался от того, чтобы средства, необходимые для организации борьбы трудящихся, тратились на кампании по спасению его собственной жизни. Он писал адвокату О. Н. Хилтону: «...Я

борьбе против капитализма. А когда смерть подошла вплотную, он написал свои последние стихи, свое знаменитое «Завещание», которое вы услышите на звуковой странице.

Он был полон неиссякаемой любви к людям, к жизни... Поразительное

На шестой звуковой странице: песня Джо Хилла и песня о нем. Исполняют Пит Сигер и Поль Робсон. «Завещание» Джо Хилла перевел на русский язык журналист Владимир Познер. Он же комментирует звуковую страницу.

Гравюра
В. Носкова

СМЕХ В ЗАЛЕ

Лет десять назад Райкин отправился без своего театра с концертами в Тбилиси и Ереван и взял с собою меня. Роль моя при нем была неясной. Он говорил, что давно собирался дать несколько вечеров не столько театральных, сколько литературных, и не просто литературных, а с определенным академическим уклоном.

Академизм заключался в том, что перед началом я выходил в черной паре и произносил глубокомысленный доклад о роли Аркадия Райкина в историческом процессе, а также о его доле в победе разума над черт знает чем. Я говорил, стараясь не смотреть никому в лицо, потому что каждое лицо в зале скучало укоризною и в каждом взоре я читал на редкость однообразный совет: «Иди отседа...»

Меня терпели как неизбежную помеху. На меня смотрели, как смотрят на скучную крышку коробки, в которой находится долгожданный подарок. А сам подарок стоял за кулисами свеженький, напряженный, раскачивающийся перед прыжком в такую бурю оваций, в которой можно было утонуть, захлебнувшись враз. Но он не захлебнулся ни разу. Двадцать раз он влетал в эту бурю, двадцать раз произносил, казалось бы, одни и те же тексты. Но двадцать раз он ни разу не повторился. Двадцать райкиных, один изобретательнее другого, один пронизательнее другого, один неожиданнее другого, являлись из-за кулис двадцать вечеров подряд.

В Ереване Райкина принимали физики!

— Аркадий,—сказал я,—эти люди отложили свои пи-мезоны, как шарики пинг-понга, чтобы рассмотреть тебя а-ля натюрель. Они сами академики. По-моему, они где-то слышали твое имя, несмотря на то, что нигде не слышали моего. Рискни обойтись без меня.

— Ты бросаешь меня в беде,—сказал Райкин.—Вдруг понадобится объяснить им разницу между юмором и сатирой—я всегда путал эти два продукта...

— Как можно,—встревожился я,—их ни в коем случае нельзя пугать! Вообрази—тебя просят послать, а ты посолил! Тебя просят посолить, а ты поперчил! Хорошо ли это?

— Это—ужасно... У меня всегда получается невпаад... Стой за кулисами.

В этот вечер он был счастлив, как сто тысяч именинников. Он играл монологи,

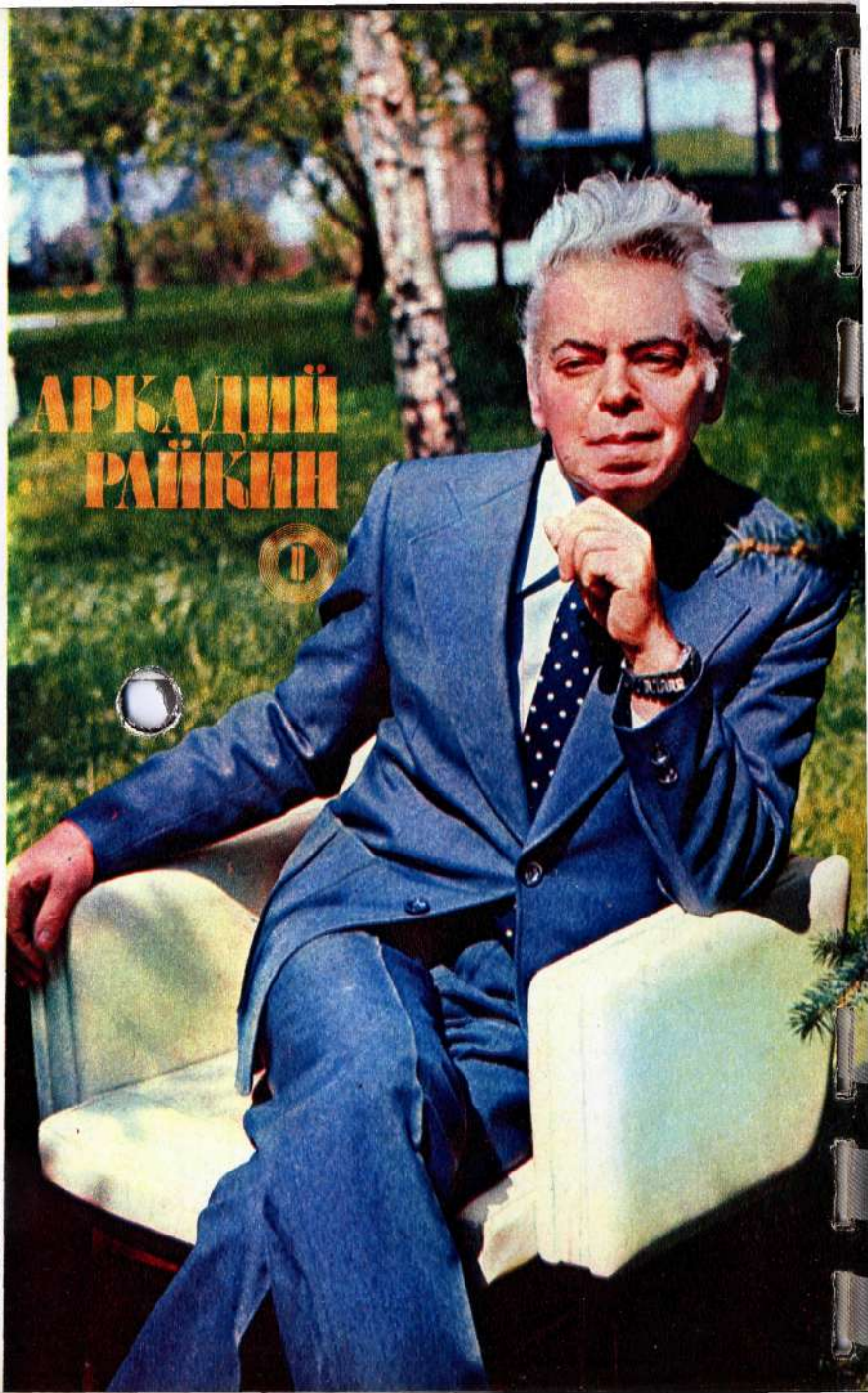

Фото С. Петрухина

дуэты, трио, квартеты, он рассыпался на массовки, на жанры, на десятки райкиных, и у каждого было сквозное действие.

И вдруг, отдыхая от оваций, он сказал:

— Подыграй мне! Сделаем скетч...

— Я же не умею!

— Подыграй! Это очень просто. Я тебя спрошу, как тебя зовут, скажешь: «А вас?» И все! Ну! Это же так просто!

И выпорхнул к публике.

Я вышел на сцену, как иноходец, то есть двигая сперва обеими правыми конечностями, потом обеими левыми. Так, должно быть, ходят недоделанные роботы. Сидящие в зале научные работники забеспокоились, едва я появился. Некоторые привстали, сжимая ладонь в кулак. Так ощущают отсутствие отвертки, когда нужно что-нибудь починить.

Впрочем, я этого не видел. Все это мне рассказывали потом. А пока я видел перед собою пуговичные глаза Аркадия Райкина. Я смотрел в эти глаза печального темного цвета и не видел в них ни юмора, ни сатиры, ни сладости, ни перца, а только одно понимание. Это было вселенское бесстрашное понимание мудреца, познавшего скорбь и радость.

— Как тебя зовут?—впился в меня Райкин.

— Как тебя зовут?—испуганным эхом отозвался я.

— Тебя зовут Аvas?—впился в меня Райкин.

— Тебя зовут Аvas?—отозвался я. Я говорил, не выдыхая воздух, а втягивая его в себя.

И тогда Райкин схватил меня за грудки железной рукою и, то притягивая к себе, то отталкивая, не выпуская, стал работать один за двоих. Это был номер с бессловесной куклой, с надувной игрушкой, с вешалкой, на которой болтался костюм. Моя актерская бездарность превратилась в свою противоположность под железной рукою Райкина. Публика редела от восторга. А я находился в самом эпицентре смеха, цепenea от желания расхохотаться, как хохочут все в зале. Очнулся я за кулисами.

— Вот видишь,—сказал Райкин,—это же так просто... Какой успех! Даже в «Гамлете» ты не сыграл бы лучше... А ты говоришь—недосолил, переперчил... Работать надо!

Глаза его горели победным знанием...

Леонид ЛИХОДЕЕВ

ДЕЙСТВУЮЩЕЕ ЛИЦО - ОРКЕСТР

Кажется, нет такого жанра в музыке, где бы не проявил себя дагестанский композитор Мурад Кажлаев. Он удивительно легко переливает в звуковые формы увиденное, пережитое, создавая музыку красочную, живописную...

Последняя крупная работа Мурада Кажлаева—музыка к фильму «Бархатный сезон» советско-швейцарского производства. Это музыкальная политическая комедия—жанр, редкий для кинематографа. Действие фильма происходит в 30-е годы в Европе. Он повествует о событиях, предшествовавших второй мировой войне, затрагивает темы ответственности человека за мир на земле. И музыка к фильму была написана Мурадом Кажлаевым в традициях тех лет. Но поскольку сейчас снова популярны старые ритмы, она воспринимается вполне

МУЗЫКА
ЭКРАНА

современно. В процессе работы режиссер сообщил композитору, что по ходу действия в фильме должны звучать французская, американская, испанская песни. И... они были Кажлаевым написаны. Исполняют их молодые певцы: Лариса Шутова, Валентина Игнатъева, Вейланд Ротт и Лариса Долина, а также оркестр под управлением Владислава Кадерского. Причем оркестр становится еще и действующим лицом, участвуя в съемках.

В заключение мы хотим привести слова снимавшего картину югославского режиссера Владимира Павловича: «Два очень разных мира сошлись на одной съемочной площадке. Такая большая кинематографическая держава, как наша, и страна с не очень крупным кинематографом — Швейцария — осуществили сложную постановку, доказав, что сотрудничать в искусстве можно и нужно, если в основе сотрудничества лежат добрые намерения».

Владимир ЧУРИКОВ
Кадры из фильма «Бархатный сезон».

Н. Г. БАСОВ,
академик,
председатель Правления Всесоюзного
общества «Знание», Герой
Социалистического Труда, лауреат
Ленинской и Нобелевской премий

НАШЕЙ СМЕНЕ

Буквально не по дням, а по часам растет роль науки в современном мире. В нашей стране каждые десять минут регистрируется изобретение. Активным участником научно-технического творчества стал рабочий класс. Значительная его часть уже не косвенно, а непосредственно связана с наукой.

Рабочие совместно с учеными не только создают совершенные приборы и инструменты, но и участвуют в фундаментальных исследованиях. Академические институты имеют опытные производства, специальные конструкторские бюро с большим числом рабочих. Например, Физический институт имени П. Н. Лебедева, где я работаю, занят внедрением лазеров во многие отрасли промышленности, связи, медицины. Он разрабатывает новые материалы, новые технологические процессы. И во всех этих работах большую роль играют рабочие.

Мы можем гордиться, что достойный вклад в технический прогресс вносит юная смена рабочего класса — учащиеся ПТУ. Каждый четвертый их питомец занимается сейчас научно-техническим творчеством в кружке или конструкторском бюро. Самое важное для молодого человека — найти свое место в жизни, в совершенстве овладеть избранной профессией, чтобы пронести через годы жажду знаний и творчества.

АВТОРСКОЕ № 603727

В 15 лет его стали называть Виталием Мечиславовичем. Еще бы! Ведь он сказал новое слово в строительной технике — изобрел «Поворотный мост». Петровского снимали телевидение, кино, приглашали читать лекцию в Ленинград, в Институт инженеров железнодорожного транспорта.

Зашел к нему в дом, вижу, сидит у окна, пьет из кружки молоко, а на

СВИДЕТЕЛЬСТВО

колених черный, как уголь, пушистый котенок. Вокруг модели самолетов. Подвешены за нитки к потолку, и кажется, что парят как настоящие. Да сколько их тут! Виталий показал мне еще модели подводных лодок, эсминцев, атомных ледоколов, достал журналы «Техника — молодежи», «Юный техник», «Моделист-конструктор» и стал рассказывать про массу интересных проектов. Нравится ему конструировать, мастерить. Даже на столе, за которым он делает уроки — ему еще год учиться. — пульт управления с кнопками и

Большую помощь в системе обучения и воспитания питомцев училищ оказывает Всесоюзное общество «Знание», которое объединяет ученых, инженеров, врачей, учителей, передовых рабочих и колхозников. Они систематически читают в профтехучилищах лекции о перспективах развития отраслей производства, той или иной специальности, о роли молодежи в производственных коллективах. Интересной формой контактов стало шефство научно-исследовательских институтов, вузов, отдельных кафедр над профессионально-техническими училищами. Оно широко распространено в Москве, Ленинграде, на Украине, в Белоруссии и других республиках. Важным направлением мы считаем также оказание научно-методической помощи преподавателям, мастерам, воспитателям профтехучилищ.

Нам предстоит совершенствовать организацию Всесоюзной недели науки, техники и производства для детей и юношества, Всесоюзных олимпиад юных математиков, физиков, химиков, в которых на равных основаниях со школьниками должны участвовать и учащиеся профтехучилищ.

Молодежь—это будущее страны. И я думаю, что она растет достойной сменой нынешнего поколения рабочих, колхозников, ученых, успешно прокладывающих путь в это будущее.

Самый юный изобретатель СССР Виталий Петровский учится в профтехучилище, постигает в теории и на практике токарное дело. Авторское свидетельство за уникальное изобретение — «Поворотный мост», у макета которого вы его видите, он получил в 15 лет.

Фото Я. Берлинера

переключателями. Захотел—не сходя с места выключил свет и зажег настольную лампу, включил телевизор. А если нужно проверить напряжение в сети—пожалуйста, посмотри на вольтметр. Все сделал своими руками.

Виталий очень доволен, что поступил в профтехучилище, вместе со средним образованием получает специальность токаря. Возможностей пофантазировать, поизобретать здесь предостаточно. Впрочем, увлеченно, с «огоньком» учится большинство его сверстников.

ГПТУ № 118 металлистов города Барановичи стоит на пересечении улиц Промышленной и Пролетарской. Справа—завод автоматических линий, сле-

ва—ожерелье новых домов, а перед фасадом—пшеничное поле. Когда распахиваются двери, ребят встречают залившимся пенем птицы, и кажется, что зовут они на простор полей, к синеве неба, к играм. Может, и хочется ребятам откликнуться на этот зов, но они, стараясь походить на взрослых, сдержанны и серьезны.

На дорогу выходит рабочий класс.

Борис СИРОТИН

Рассказ о Виталии Петровском, учащемся ГПТУ из г. Барановичи, слушайте на первой звуковой странице.

МИР ПРИРОДЫ

Небольшая деревенька из девятнадцати домов стоит на высоком холме. Ее жители первыми в округе встречают солнце. Со всех сторон прикрывают деревеньку леса, прочерчивая зубцами елок горизонт. А внизу, под холмом, петляет среди ивняков и заливных лугов быстрая речка Покша. Прочезиваясь через заросли куги, обегая валуны посреди русла, несет она к Волге свои чистые струи, свитые из студеньих ключей. Один из таких ключей пробился наружу у самого подножия холма. Это знаменитый Нелидовский ключ.

15 лет живет в Нелидове писатель Василий Бочарников, и, как воспетый им Нелидовский ключ, радужно высверкивает его удивительное дарование в каждом рассказе о красоте и щедрости здешних мест. Он автор десяти книг рассказов и повестей. Широкое признание к писателю пришло со страниц газеты «Правда». С 1969 года ежемесячно печатает она его миниатюры под рубрикой «С любовью к природе». Для

многих каждое выступление В. Бочарникова стало праздником. Его лирические рассказы о природе переведены в Японии, США, Франции, ФРГ, Канаде, Чехословакии, на Кубе, а в Болгарии они даже включены в школьные учебники русского языка.

Советские дети также пишут диктанты по рассказам В. Бочарникова. Они стали хрестоматийными, их изучают в школе как образцы родной речи. Немногие современные прозаики удостоены такой чести.

В. Бочарникова часто принимают за учителя, и не только дети. Ведь каждая его публикация—это приглашение учиться мудрости у природы, это призыв к труду, красоте и добру. К теме «Человек и Природа» писатель пришел еще на фронте. Он воевал связистом под Калинином, участвовал в боях под Москвой и на Украине. Был трижды ранен, отмечен наградами. «Ничто не врачует человеческую боль так, как Природа,—считает он.—В природе нет фальши, тут все—как есть!»

Олег ЧЕЧИН

Сегодня я не собирался ни за грибами, ни за ягодами, ни на речку с удочками. А поднялся все так же рано-рано, скоро оделся и вышел на проселок к полю—ржаному полю. Тихо. Спит деревня на холме, умянная сенокосами и жатвой. Ни единого звука не дала она пока зарождающемуся утру. Свежо. Воздух лесной, и хлебный, и грибной, и цветочный—настоящий драгоценный воздух спелого лета.

Мне с угора видно далеко. Стою, гляжу. И будто бы чего-то даже жду. Чего же? На моих глазах (свидетели—подорожники, васильки, березы) на востоке над синими еловыми зубцами прорезалась све-

РОДСТВО

На четвертой
звуковой странице
Василий
Бочарников
читает
свой рассказ
«Нелидовский
ключ».

4

тинка. Зачинаялось утро. И оттуда, из небесной глуби, молодое, уверенно, бойко выкатилось огненное солнышко. В добрый путь, в добрый путь!

Видеть, как рождается утро,—счастье! Сколько чистоты, смелости, работы! Тут вот и тебе тоже непременно захочется действовать, делать что-то доброе, большое, нужное людям. Ведь ты живешь, ведь ты уже в родстве с этим новым утром.

Хлебное поле в лесной опояске и как бы стекает по изволу еще затененной речки Покши. Рожь цвета солнца. Крупные колосья все до единого опрокинулись верхушками вниз. Это кланяется земле весомое зерно. Зерно, дарующее нам жизнь. Оно и должно быть таким. Интересно, сколько же тут колосков, на этом поле? Считать—не сосчитать... Снег, дожди, солнце, земные соки, соленый людской пот, если хотите, и мечта и надежда—все, все есть в этих зернах.

Иду южным закрайком поля и все гляжу, гляжу на него. Через час самое большее проснутся на холме комбайны (они в нашей деревне заночевали) и дружно загудят, смахнут это ржаное поле. Вот я и пришел проститься с ним. Ведь потом такой картины тут уже долго не будет. До нового лета.

Солнце легким челноком на миг заскочило в тучку. Но утро не потускнело. Солнечно светило оно, ржаное поле!

Василий БОЧАРНИКОВ

Костромская обл.,
дер. Нелидово

— А вы знаете, сколько у нас в Сибири частушек?

С этого вопроса началось мое знакомство с двумя братьями-сибиряками Александром и Геннадием Заволокиными. Молодые музыканты в течение нескольких минут обрушили на меня лавину частушек, припевок, частоговорок, страданий... Затем к голосам присоединились звуки баяна и балалайки (ребята мастерски владеют народной манерой игры на этих инструментах), и... наше маленькое запланированное интервью затанулось ни много ни мало—на четыре часа.

Александр и Геннадий с увлечением рассказывали о том, что любовь к народной песне зародилась у них еще с детства. Вспоминали 50-е годы, сибирское село Парабель.

7 «ВЫ ПОСЛУШАЙТЕ, РЕБЯТА...»

родной дом, где на бревенчатой стене черная тарелка—радио—пела-заливалась. Запомнилось им, как всей семьей слушали они любимые песни в исполнении хора имени Пятницкого. А теплыми летними вечерами, сидя на крыльечке, слушали задорные голоса гармони, озорное пение девчат и ребят. В те годы лучшей подружкой сельских гуляний была гармошка или балалайка, и поэтому появление их в доме еще больше укрепило желание братьев научиться играть.

Увлечение сибирскими частушками у Александра и Геннадия родилось почти десять лет назад, когда однажды в клубе девчата из художественной самодеятельности напели их несколько десятков, услышанных от бабушек и матерей. Тексты и мелодии

были до того причудливы и оригинальны, что невольно пришла мысль: а что, если собрать такое богатство и вернуть его землякам? Так с тех пор и стали они записывать народную мудрость, заложенную в ярких, броских, лаконичных формах частушки...

— Было это в селе Заковряжино, Сузунского района, Новосибирской области,—рассказывают братья,—мы сидели у автобусной остановки, недалеко от нас на бревнышках расположилась пожилая женщина-колхозница. Мы разговорились с ней и по привычке задали вопрос: а вы сибирские частушки знаете? Несмотря на удивившись нашему вопросу, Мария Васильевна Исакова, местная жительница, ответила: «А как же! Век прожить да частушек не

знать!» И тут же прямо на улице наговорила добрых полста частушек.

И так почти везде, в каждом сибирском селе и в каждой деревне, у нас было немало интересных встреч с одаренными исполнителями.

На мой вопрос, поет ли молодежь в Сибири частушки, братья в один голос ответили: «Еще как!» И зазвучало:

«Тында—БАМ,
Тында—БАМ,
Голубые дали...

Мы такую магистраль
В жизни не выдали!»

Юрий ЗАЦАРНЫЙ

На седьмой звуковой странице—частушки в исполнении А. и Г. Заволокиных и их песня на стихи Г. Георгиева «Если сердце говорит» в исполнении вокального трио «Рябиனுшка».

Да, пора...

Тихим летом
Время кличет усталость.
Память — саблей каленой —
По живому ударит.
И,

как шепоты жита,
Голоса оживут...
Непреренно дожить бы
До таких вот минут!
До открытости полной
И души без одеж.
До последнего боя,
Что с собою ведешь...
Даждь мне память — как пищу!
Пусть во мне никогда
Не пылят пепелищем
Прожитые года.
Как невыставший жар —
Сердца горькие повести!
...Занеси в календарь:

Виталий Коротич,
поэт и публицист,
лауреат премии
Ленинского
комсомола.
Живет в Киеве,
главный редактор
журнала «Всесвіт».
Публикуемые стихи
входят в книгу
«Избранное» —
четвертую книгу
Виталия Коротича
на русском языке.

Виталий
КОРОТИЧ

Год Спокойного Солнца,
Год Устойчивой Памяти,
Год Распахнутой Совести!
До последней потери
Мне бы с ними прожить...
Тихим летом

смятенье
Надо мною кружит.

ПТИЦЫ

Усеяли в саду нагие ветви —
Готовится предвылетный парад.
И кажется: теперь на белом свете
Остались — птичий грай да листопад.
Лишь ветер да ветвей молящих пальцы,
Пронзившие над миром бледный кров.
Остались — нерастраченная память
Да будущего неумолчный зов.
Все возрастает.
Боли возрастают.
И радости —
Уж мир устроен так...
А над челом, смятенная, витают
Не тает птица — как сложенья знак.
Моя надежда, чем тебя приветить?
Меня напрасно птицы кличут в путь.
Я жду снегов, что выпадут на ветви,
И листьев жду, что снег с ветвей
стряхнут.

Перевод с украинского
Николая Котенко

В комнате, похожей на пенал,
на судьбу я горькую пенял.
Лист цеплялся за окно
с черною тоскою заодно.
А соседи говорили про меня:
молодец остался без коня
и седло с уздечкою забыл...
Я еще тебя любил.
Видел сны, умел совою летать,
на лицо струилась благодать.
Просыпался. Шорохи ловил.
Я еще тебя любил,
как постыдный страх, в себе таил.
Съела пыль забавы и труды,
дом не дом, а островок беды.
Поезда кричали вдалеке,
облака летели налегке.
Но мосты я темные не жег,
Я тебя любил еще.
Как все кончилось, и сам я не пойму,
легкий снег посыпался сквозь тьму.
это беды отлетали от меня.
Ветер вел по улице коня.
Мимо окон белого коня.
В клубах пара доброго коня.
Я достал седло — с-под головы.
Увидал, как стены голубы.
Раскрутил уздечку —
и погасла свечка.

Рустем
Кутуй —
автор
более
двадцати
книг
стихов
и прозы.
Живет
в Казани.
Пишет
на русском
языке.

Рустем
КУТУЙ

Подумать только —
столько людей есть рядом,
которым нужна беседа
и крепкий чай,
необходимо рукопожатье,
а никто в мою дверь не постучал,
и я никому не звонил,
не потратил бумаги на письма,
хотя совершенно точно знал:
за порогом стоит ожиданье
и надежды рушатся,
как листья с усталых деревьев.

Тувинский дождь начинается так:
Улуг-хэм*, как вспоротый судак,

* Енисей (тув.).

на камнях раздувает жабры,
солнце электрическим шаром
потрескивает...
Жарко!
Воздух голубой
у земли дрожит,
словно настилаются длинные ножи.
Фонтанчики пыли встают в Саянах,
свиваются,
ходят пьяно,
и вниз ползут,
как желтый зуд,
табуны буланые,
кони небывалые,
горными обвалами,
жаркие баловни!
И вот уже город пленен,
дымится.
А горы хохочут по-сатанински.
...На первую любовь
он похож, говорят,
на ярость дикую,
когда губы рваной гвоздикой,
дождь тувинский
исполинский,
а зато потом далеко видно,
до самого белого горного свитка.
И слышно,
как плавится струя,
где кони в воде по колено стоят.

Для меня песня—это особый вид творчества, требующий дополнительных усилий, знаний, определенного настроения. Когда ты написал стихи, а потом композитор по своему усмотрению положил их на музыку, этот путь наименее трудоемкий (стихи-то все равно бы написались) и наиболее желанный. Но чаще всего песню приходится писать уже на готовую музыку, где надо учитывать все: и характер мелодии и ее ритм... Нужно искать то единственно точное совпадение слов и музыки, которое и рождает песню. У меня нередко на это уходят месяцы. Долго, например, писались «Отчий дом», «Лебединая верность», «Натали» — песни, которые мы с Евгением Мартыновым создавали по принципу: музыка — стихи — песня.

По-моему, в песне важно все — от первого слова до заключительного аккорда. Думаю, что прекрасная мелодия не может стать хорошей песней без достойных ее стихов. Мне, к примеру, больше по душе песни сюжетные. Причем не обязательно сюжет должен быть ярко выражен событиями или фактом. Важен внутренний, что ли, сюжет, когда человек, слушающий песню, чувствует, куда зовут его авторы, что же они в конце концов хотят сказать лично ему, как развывается тема песни. Причем все это происходит синхронно, почти интуитивно, ибо, если мы в момент исполнения песни начнем рассуждать о том, что значит сия песня, искусство кончается.

Есть у нас с Арно Бабаджаняном песня «Доброта». Ее прекрасно исполняет Иосиф Кобзон. Эту песню мы написали для фильма «Конкурс поваров», где по ходу действия необходима была такая песня. Но, если бы мне пришлось писать слова на эту музыку без учета фильма, я бы все равно написал стихи о доброте, так эта мелодия добра, глубока и лирична. Часто бывает и наоборот, когда написанные стихи пробуждают в душе композитора сопричастную мелодию. Так, например, было написано танго «А мне не надо от тебя» Владимиром Мигулей.

Мне нравится работать с молодыми музыкантами. Некоторые из них очень хорошо чувствуют молодежную аудиторию, понимают, что сейчас больше всего волнует двадцатилетних. Есть такой очень способный музыкант Аркадий Хоралов. В моем авторском диске, который сейчас готовит к выпуску фирма «Мелодия», записана и его песня, созданная им в современном ритме, которую он сам и поет.

Что мне не нравится в нашей работе? Это когда в создании песни участвуют не два творца, а лишь один их опыт.

И тогда песня «делается».

Но вряд ли такая сделанная песня может кого-нибудь взволновать.

МЕЛОДИЯ СТИХА

Андрей
ДЕМЕНТЬЕВ

Фото
Н. Кочнева

● Мы непохожи на своих детей.
Как жаль, что на детей мы непохожи.
Они не просто трижды нас моложе,—
они честней в наивности своей.
Мы изменяем детству своему.
И все, чем в детстве так душа богата,
потом в себе мы прчем виновато.
И предпочтенье отдаем уму.
А почему мы с детством разлучились?
И наши дети этот путь пройдут—
восторг они заменят на учтивость,
доверчивости хитрость предпочтут.
Природа нам оказывает милость:
мы в детях повторяемся своих...
Но не об этом мой печальный стих.
Хочу, чтобы в нас детство повторилось.

● Никто не знает, что нас ждет.
А мы судьбе не доверяем.
Никто не знает наперед,
где мы найдем, где потеряем.
Никто не знает, что нас ждет.
Я в ожидании встречи замер...
Но птица счастья свой полет
не согласовывает с нами.
И я загадывать боюсь.
Решишь — а жизнь переиначит.
Ужо, я думал, посмеюсь...
Но все во мне грустит и плачет:
то боль чужая бередит,
то сердце жмет своя обида.
Живу у радости в кредит
и не показываю вида.

● У каждого своя судьба.
Не рок и не вельеь бог,
а просто долгая дорога
или короткая тропа,
где на обочине цветы
иль злые заросли крапивы.
Мы все в пути нетерпеливы,
когда до счастья полверсты.
Когда до счастья только миг.
Последний штрих, рывок последний,
а может, только взгляд ответный
иль новорожденного крик.
Ты верь в свою судьбу, мой друг.
Она приходит на рассвете —
за чей-то стол иль в чьи-то сети.
Ей ждать ленивых недосуг.
А потому запомни впредь —
судьба лишь с сильными поладит.
Иначе жизни всей не хватит
ту стометровку одолеть.

ского «дома приезжих». Но и звезды требуют перевода на конкретный язык. И я попросил заняться этим архитекторов, французского и советского, поскольку «Космос» был плодом советско-французского зодчества. Оливье Какуба я отыскал в толпе приглашенных на открытие здания в минувшем июле 1979 года. Уже прозвучали речи, была разрезана ленточка и прошел банкет, где можно было отведать кусочек торта, изображавшего новый отель в тысячекратном уменьшении.

«Торт съеден,—сказал коренастый, черноволосый Какуб,—жаль, я бы объяснил вам на модели». И Какуб повел счет: «Объем конструкции равен пяти Эйфелевым башням, более 1800 комнат на 3600 с лишним мест, трехрамовые незапотевающие окна, пять кухонь с 10 тысячами ежедневных обедов, кстати, — продолжал он,—мы

только что вышли из банкетного зала на 750 мест и направляемся в концертный — на 1000 кресел, куда вмонтированы наушники, доводящие до вас перевод на шести языках...»

Я едва успевал записывать раблезинское перечисление достоинств «Космоса»; одна звезда расшифровывалась за другой, когда Какуб вдруг сказал, задумавшись: «А знаете, с чего все началось? С карандашного наброска Андреева, с полукруга... Вот Стейскал вам доскажет...»

И мой собеседник указал на своего коллегу — московского архитектора Владимира Стейскала, который продолжал: «Действительно, с полукруга, с эскиза нашего народного архитектора Виктора Андреева. Вогнутое зеркало отеля обращено и на будущий центр всего этого района и, можно сказать, «настроено» на телешоу. Но теле- и радиожурналисты во время Олимпийских игр — именно они будут жить здесь — могут, ежели что-то удержало их дома, настроить свои телевизоры в номерах на один из двадцати каналов с картинкой соревнований, телетайп принесет результаты, после чего им остается лишь сообщить своим редакциям имена чемпионов и пойти выкупаться в бассейне, который расположен прямо под тем залом, куда мы сейчас идем...»

Вогнутую пластину московской гостиницы «Космос» теперь сравнивают то с зеркалом прожектора, то с развернутыми солнечными батареями межпланетного корабля.

На визитной карточке гостиницы будут напечатаны четыре звезды — знак высочайшего уровня олимпий-

ЗВЕЗДЫ

Мы действительно шли в концертный зал через антресоли приемного холла, где маленькая группа людей с микрофонами собралась вокруг высокого человека с серыми глазами, который, предвосхищая назначение отеля, вел самую первую в нем пресс-конференцию. Это был Джо Дассен (французы, кстати, зовут его Жо). Вместе с Аллой Пугачевой в тот вечер он «зажигал» рампу «Космоса». Но с репортерами в тот момент, когда мы проходили, он говорил как раз о спорте:

— Когда-то я был спортивным человеком. Пожалуй, если бы не стал певцом, то пошел бы в спорт—в легкую атлетику или лыжами бы занялся,—и тем и другим я увлекался. Но теперь шансов мало: спорт стал большим, чем спорт,—надо иметь силу машины, и мне жалко, что так происходит. Вот почему у наших выдающихся мастеров спорта—у бегуны Колетт Бессон или у прыгуна Ги Дрю—я ценю удовольствие, с которым

они ставят рекорды, а не только работу. Это и есть, по-моему, черта настоящих олимпийцев—тех, кого, будем надеяться, увидит Москва 1980 года...

Дассен встал и вместе со всеми направился к сцене, на которой ему предстояло выступить.

Артем ГАЛЬПЕРИН

Видимую на снимке Л. Лазарева «космическую» архитектурную панораму Москвы завершает олимпийский отель «Космос».

Церемония открытия «Космоса», возведенного французскими и советскими строителями, закончилась концертом Аллы Пугачевой (фото Б. Палатника)

«КОСМОСА»

и Джо Дассена (фото А. Гальперина). На десятой звуковой странице—фрагменты песен «Иду с цветком» (Д. Дассен, К. Лемель), «Привет» (В. Палавиччини, П. Деланоэ) в исполнении Д. Дассена и «Сто часов счастья» (К. Орбея, В. Тушнова) в исполнении А. Пугачевой.

СЛУШАЙТЕ В НОМЕРЕ:

1. **Изобретатель учится в ГПТУ.** Рассказ о юном конструкторе **В. Петровском.**
2. **БАМ. Свадьба в таежном поселке.** Репортаж.
3. **Из чего счастье складывается?** Народный учитель СССР **П. Г. Лозина** о своей профессии.
4. **«Нелидовский ключ».** Писатель **В. Бочарников** читает свой рассказ.
5. **Мазурки Шопена.** Исполняет лауреат международных конкурсов **А. Слободяник.**
6. **Джо Хилл** — певец рабочего класса.
7. **Сибирские частушки.**
8. **Мурад Кажлаев.** Музыка из кинофильма «Бархатный сезон»: «Конкурс красоты», «Несостоявшееся знакомство», «Черемболо» и «Вальс-бостон».
9. **Песни на стихи Андрея Деметьева.** «Доброта» — музыка **А. Бабаджаняна**, поет **И. Кобзон**; «Летом и зимой» — композитор и исполнитель **Е. Мартынов.**
10. **Концерт-диалог А. Пугачевой и Д. Дассена.**
11. **Аркадий Райкин.** Юмористическая миниатюра.
12. **Поет Иржи Корн** (Чехословакия): «Все姆 бы я пожертвовал» (Я. Мангл — З. Боровец) и «Радость» (Л. Штайдл — М. Черны).

© ИЗДАТЕЛЬ:
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
КОМИТЕТ СССР
ПО ТЕЛЕВИДИНИЮ
И РАДИОВЕЩАНИЮ
1979 г.

На первой
странице обложки
рисунок художника
Ю. Ракиши.

Звуковые страницы
изготовлены Всесоюзной
студией грамзаписи
фирмы «Мелодия»
и Государственным
Домом радиовещания
и звукозаписи.

Сдано в набор
23.08.79.

Подп. к печ.

31.08.79.

Б 04905.

Формат 60×84^{1/2}

Глубокая печать

Усл. п. л. 1,24.

Уч.-изд. л. 2,03.

Тираж 500 000 экз.

Зак. 1155.

Цена 1 р. 20 к.

Ордена Ленина
и ордена Октябрьской
Революции типография
газеты «Правда»
имени В. И. Ленина
125865, ГСП, Москва,
А-137, ул. «Правды», 24.

Адрес редакции:

113326, Москва,

Пятницкая, 25,

«Кругозор».

ПОЧЕМУ ЭТО ПРЕКРАСНО

Необыкновенная искренность творчества Ф. Шопена, его кажущаяся импровизационность заставляли наиболее тонких исследователей предполагать, что его музыка носит автобиографический характер. Об этом писал Г. Г. Нейгауз, об этом писал в своем замечательном эссе о Шопене Б. Л. Пастернак.

Почти все, что мы доподлинно знаем о Шопене, о его жизни, почерпнуто из его писем — в них он словно оставил нам свой автопортрет, свою автобиографию. Без детального знания писем композитора нельзя до конца постичь и его музыку.

Из писем Шопена мы узнаем не только о его эстетических и философских концепциях, о взаимоотношениях с великими современниками, круге его интересов, но и о том, что было для него самым дорогим и главным в жизни. Долгие годы он прожил на чужбине, но перед его внутренним взором неизменно возникали родные пейзажи, любимые лица, звучали напевы далекой родины.

Самым дорогим для него всю жизнь были тепло родного дома, родители, сестры, друзья, Варшава, воспоминания о

...СЧАСТЛИВЕЙШИЙ

счастливых дней детства и юности. Думы о доме, о родине были для него не только романтическими грезами, но являлись сильнейшим творческим стимулом.

...Последнее публичное выступление Шопена состоялось 16 ноября 1848 года. Смертельно больной, он вернулся из поездки по Шотландии в Лондон. Здесь его попросили выступить на вечеру в пользу польских эмигрантов. Он, конечно, не мог отказаться. Он рассматривал свое выступление как патриотический долг. Любовь к Польше была тем чувством, которое неотступно владело им всю жизнь.

В детстве, отдыхая летом в деревне, он не только впитывал народную музыку, которая звучала вокруг него, но и с восторгом описывал в письмах к родным, как он подыгрывает на скрипке и контрабасе танцующим крестьянам. Он и сам танцует с ними. Не преминул он записать и слова исполнявшихся частушек. «Это был счастливейший день за все лето», — писал Шопен.

В 1831 году в Вене, в трагические дни ноябрьского восстания, ему говорят, что каждый артист — космополит. «Если даже это так, — писал композитор, — то как артист я еще в колыбели, а как поляк уже начал третий десяток».

Несколько месяцев спустя из Парижа он пишет другу: «Ты

знаешь, как я стремился почувствовать нашу родную музыку и отчасти достиг этого...»

В музыке Шопена мы не найдем фольклорных цитат. Народность его музыки — в ритмах и форме. Композитора не покидало сознание высокого долга перед музыкальным творчеством своего народа, перед родными напевами: Память о них он берег всю жизнь.

Недаром польский поэт Ц. Норвид писал о нем: «Родом варшавянин, сердцем поляк, а по таланту гражданин мира... Большую часть жизни он прожил вне Родины, но для Родины... Это самое высокое, чего может достичь изгнанник».

Даже находясь на экзотическом острове Мальорка, среди пальм и кипарисов, он пишет мазурку, в которой слышится мелодия старинной польской коляды. Недаром он писал домой из Франции: «Я всегда наполовину у вас». В Париже, оставаясь вечерами дома, он садился за инструмент, часами наигрывая и напевая песни с берегов Вислы.

Польша! Все его мысли были о ней. Он мечтал о ее свободе и независимости. Он верил в светлое будущее своего народа. В одном из своих писем он писал: «В конце концов будет — Польша, прекрасная, могучая, словом, Польша!..»

ДЕНЬ ЗА ВСЕ ЛЕТО

Шопен был национальным художником в подлинном смысле этого слова. Лучше всех об этом сказал Ц. Норвид: «Он умел разрешать с загадочной легкостью труднейшие задачи искусств, не уронив с них росы и тончайшего пуха. И умел пронизать их лучезарностью, идеалом искусства, превращая в звезды, в метеориты, не сказать ли — в кометы, сверкающие всей Европе. Им слезы народа польского, рассеянные по полям, собраны в алмаз красоты, сверкающий кристаллами невиданной гармонии в диадеме человечества. В этом — самое высокое, что может совершить художник, и это совершил Фридерик Шопен».

5

Г. КУХАРСКИЙ

На пятой звуковой странице в исполнении лауреата международных конкурсов, заслуженного артиста РСФСР А. Слободяника слушайте две мазурки Шопена: соч. 30 № 2 и соч. 33 № 4.

Портрет Ф. Шопена
работы Лемана.

ИРЖИ КОРНИ

12

ЭСТРАДА

Чехословакия

Свою музыкальную карьеру Иржи Корн начал еще в гимназии. Сначала он пел в детском хоре. Когда подрос, стал играть на гитаре и выступать как солист в любительских эстрадных группах. Широкую известность певцу принес 1969 год, когда Иржи Корн завоевал первое место на чехословацком конкурсе эстрадной музыки.

Очень скоро молодой певец начал сотрудничать с известными мастерами зарубежной эстрады. Он выступает в концертах вместе с польской певицей Марылей Родович. Принимает участие в представлениях чехословацкого музыкального театра «Семафор». «Может быть, эти скромные успехи и заметили авторы фильма-сказки «Гонза — почти король», и мне удалось сняться в главной роли», — рассказывает Иржи Корн.

Об Иржи Корне говорят: «Это танцующий певец и поющий танцор».

Несмотря на то, что певец уже довольно долго выступает на эстраде, его песни в популярном сейчас стиле «ретро», умение заечь публику по-прежнему пользуются огромным успехом не только на родине, но и за рубежом. Он постоянно выезжает на гастроли, принимает участие в музыкальных конкурсах и фестивалях, на некоторых из них уже в качестве почетного гостя.

У Иржи Корна неплохая коллекция наград. 1972 год — Дрезден. Приз публики за песню «Иветта». Кстати, как признается сам Иржи Корн, эта песня стала как бы его талисманом, и на каждом концерте он поет ее хотя бы один раз... 1977 год — Прага. Приз за самую интересную эстрадную программу на конкурсе «Интерталант-77». В том же году Иржи Корн выступил на песенном фестивале в Париже и завоевал там «Гран-при».

Не так давно вместе с певицей Геленой Вондрачковой Иржи Корн снялся в телевизионной программе, которая с успехом прошла и по советскому телевидению.

Юрий ЯКОВЛЕВ

Цена 1 р. 20 к. Индекс 70461.